

говорщиками и широко обсуждался в кругах столичного дворянства. Однако умеренные предложения Троцинского не могли удовлетворить царя, от которого вчерашние заговорщики, посадившие его на престол, добивались более радикальных преобразований.

Таким образом, постановка вопроса о правах Сената явилась ответом Александра на проявившиеся в ходе дворцового переворота стремления к «аристократической конституции», вопрос о которой вызвал брожение преобразовательских идей в широких кругах столичного дворянства, стремившегося получить гарантии невозможности повторения павловского деспотизма.

Указ 5 июня положил начало сенатской реформе. После острой борьбы, в ходе которой заговорщики один за другим покинули политическую арену, Александр 8 сентября 1802 г. издал указ, в общих чертах утверждавший основные положения записки Троцинского 9 мая 1801 г. Но в этот же день царь подписал манифест об учреждении министерств и тем самым придал указу о правах Сената совершенно иной смысл. Реализация этих законодательных актов привела к тому, что развитие государственного управления пошло по пути дальнейшей централизации и бюрократизации государственного аппарата, вытеснения принципов коллегиальности принципами единоначалия, в результате чего реальная власть Сената значительно упала и он уже в первом десятилетии XIX в. превратился в преимущественно судебное учреждение, сохранив, однако, за собой ряд административных функций.

В. Г. ЧЕРНУХА

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СОБРАНИЕ СЕЛЬСКИХ ХОЗЯЕВ (1860-е гг.)

Советская историческая наука в последнее время занялась разработкой истории государственных учреждений, отчасти научных учреждений, таких как университеты и пр. Но почти совершенно оказывается обойденной ее вниманием история ученых обществ, клубов и других объединений,¹ составлявших неотъемлемую часть общественно-политической жизни России. Настоящая статья, освещающая создание и отчасти деятельность совершенно забытого в наше время Петербургского собрания сельских хозяев, преследует цель обратить внимание исследователей именно на такие организации.

В связи с отменой крепостного права перед российским помещичьим дворянством встала близкая задача консолидации для за-

¹ Восполнить этот пробел поставил своей задачей А. Д. Степанский, выпустивший уже несколько работ по данной теме.

щиты своих экономических и социальных интересов. В период разработки условий отмены крепостничества необходимо было выработать формы, в которых она была бы для них минимально ощутимой; после объявления этих условий требовалось совместно обсудить возникшие новые проблемы и коллективно их разрешить, а также оказать эффективное давление на правительство в этом направлении. Помещики стремились к такой консолидации и пользовались любыми возможностями для встреч, обсуждения и заявления своих претензий. Некоторые возможности для этого предоставляли им дворянские собрания, позже — земские. Но и те и другие были редкими. Они пользовались и одновременно, равными встречами, такими, например, как созов в 1859—1860 гг. Редакционными комиссиями депутатов от губернских комитетов. Тогда-то и было подготовлено несколько дворянских адресов с изложением помещичьей точки зрения на характер крестьянской реформы. Помещики активно выступали в печати и даже учреждали для пропаганды своих взглядов специальные издания, но все это были индивидуальные выступления. Поэтому для дворянства пореформенного периода характерно тяготение к новым формам социального единения, которое расширило бы их возможности влияния на политику. Особенно столичная, петербургская, аристократия вынашивала планы создания организации, которая смогла бы явиться имитацией не разрешенных в России политических партий, сплотить «оппозицию его величества». Одной из таковых явилось Петербургское собрание сельских хозяев, оказавшееся довольно прочным, устойчивым объединением, просуществовавшим вплоть до 1917 г.

Планы создания союза, который объединил бы столичных, а отчасти и других землевладельцев, начали обсуждаться в Доме петербургского дворянства в 1862 г., причем инициативную роль при этом играл представитель дворянской фронды, губернский предводитель гр. П. П. Шувалов. Споры велись преимущественно вокруг формы объединения, которая была бы наиболее целесообразна для помещиков и одновременно не встретила бы возражений правительства. Обсуждению подвергались формы русских сельскохозяйственных обществ (а их к тому времени насчитывалось около двух десятков, наиболее из них известное — Московское общество сельского хозяйства), сельскохозяйственных съездов, ученых обществ — Вольного экономического, Географического. Эти образцы в чистом виде были признаны для их целей неудачными, как организации, либо сильно формализованные, бюрократизированные, либо не обеспечивающие потребности в постоянном общении. Обсуждалась и форма клуба, причем рассматривался устав самого аристократического клубного заведения Петербурга — Яхт-клуба, но он не обеспечивал другой задачи — научно-практического обсуждения и разрешения специфических интересов землевладельцев, ведущих собственное хозяйство. Как всегда в таких случаях, обратились к опыту Европы, особенно Англии, в которой русская аристократия (и не только она) видела образец

социального и государственного организма, наиболее устойчивого в бурях социальных движений. Ведущую роль в политике и на местах играла там родовитая земельная аристократия, и в этом видели причину прочности. Англия уже длительное время имела успешно действующие сельскохозяйственные клубы — Смитфилдский и Центральный фермерский. Россия же такого объединения, имеющего черты как ежедневно открытого клуба, так и время от времени собирающегося для деловых и научных дискуссий собрания, еще не знала. Именно такую форму, в основе которой был английский образец, скорректированный уставами существующих в России клубов и обществ, и выбрали учредители.² В списке учредителей Собрания значится 55 человек, среди них Н. П. Балашов, Н. Д. Бенардаки, А. И. Бутовский, В. И. Вешняков, кн. Б. А. Голицын, К. К. Грот, К. И. Домонтович, А. П. Заблоцкий, М. Е. Ковалевский, В. Ф. Корш, А. И. Левшин, Ф. П. Литке, Д. Д. Неелов, Н. И. Пейкер, А. Андр. Половцов, Н. Д. Селиверстов, М. Д. и Н. М. Сольские, Н. Ф. Ван дер Флит, Н. В. Черняев, В. А. Шаховской, гр. П. П. Шувалов и др.³ Все это представители поместного дворянства, проживавшие в Петербурге, причем многие занимали еще и важные посты в администрации, являлись деятелями науки, банковского и издательского дела. Были среди них члены только что закрывшегося из-за преследований правительством Политико-экономического комитета Географического общества, занимавшегося обсуждением экономических (в том числе и аграрных) и финансовых вопросов. Частично члены Комитета переместились в Политико-экономический комитет Вольного экономического общества, возникший в декабре 1861 г., в момент прекращения заседаний Комитета Географического общества.

Учредители разработали устав ассоциации,⁴ которую намеревались назвать «Петербургский сельскохозяйственный клуб», и, согласно принятому порядку, обратились в начале 1863 г. к петербургскому генерал-губернатору А. А. Суворову. Тот, «не встретив препятствий» к учреждению клуба, 5 апреля передал ходатайство «по принадлежности», т. е. в Министерство государственных имуществ, в ведении которого находились сельскохозяйственные общества. Там устав был рассмотрен и почти без поправок одобрен.⁵ Однако утверждение таких документов составляло компетенцию Комитета министров, и 12 августа министр А. А. Зеленой направил его в Комитет вместе с представлением, где говорилось, что Министерство поддерживает ходатайство, потому что, во-первых, учредители «не просят никаких привилегий» и, во-вто-

² Объяснительная записка к уставу Сельскохозяйственного клуба. — Журнал МГИ. 1863, март. Прил., с. 3—12.

³ Первое десятилетие Петербургского собрания сельских хозяев. СПб., 1873, с. 115—116.

⁴ Напечатан: Журнал МГИ. 1863, март. Прил., с. 13—18.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 27, д. 10126, л. 1—111; д. 10226, л. 1.

рых, в его, министра, обязанности входит поддержка такого рода организаций. Он выдвинул лишь одно условие: клуб должен называться «собранием».⁶ Между прочим, о союзе клуба и правительства говорилось и в объяснительной записке учредителей. Клуб намерен, писали они, «всеми своими действиями помогать усилиям правительства, которое так много сделало для нашего хозяйства и которое без сомнения поддержит и его на пути к единственной цели — принести пользу обществу на поприще хозяйственном».⁷

3 сентября 1863 г. дело слушалось в Комитете министров, 21 сентября Александр II скрепил журнал Комитета своей подписью, и устав, уже как регламент «Петербургского собрания сельских хозяев», обрел силу,⁸ а затем и само Собрание (вскоре прозванное остроловами «картофельным клубом») стало реальностью.

Цель Собрания была сформулирована в § 1 его устава: «сближение» лиц, занимающихся или интересующихся сельским хозяйством, а также «содействие» его успехам. Круг действий очерчен в § 16: теоретическая деятельность в виде бесед и «чтений» и практическая — в виде содействия помещикам в устройстве их хозяйства на рациональных, научных основах, посредничество в снабжении их лучшими орудиями, машинами и материалами на наиболее выгодных условиях, распространение среди них специальных знаний, организация выставок.

Как клуб Собрание должно было иметь (и имело) постоянное, ежедневно открытое помещение с читальней, буфетом и «коммерческими» играми. Как научное общество оно должно было устраивать «правильные», т. е. регулярные, заседания на сельскохозяйственные темы. Подразумевалось (об этом говорилось в объяснительной записке), что, предварительно вдоволь наговорившись в гостинице Собрания на хозяйственные темы да к тому же еще и прояснив ряд вопросов вне клуба, его члены соберутся затем на беседу (или доклад) и дискуссию уже подготовленными к восприятию и практическим выводам.

Членом клуба мог быть каждый, достигший 21 года, занимающийся или только интересующийся сельским хозяйством и внесший клубный взнос. Вступление в клуб не было свободным: новичок принимался лишь с согласия членов клуба, выяснявшегося баллотировкой. Первыми членами клуба были его учредители. Известный железнодорожный деятель А. И. Дельвиг, вступивший в Собрание сразу же после его учреждения, но состоявший в нем недолгое время (он предпочел членство в Английском клубе), писал, что в это время члены Петербургского собрания были «разборчивы» при избрании новых лиц, и в качестве примера со-

⁶ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 3041, л. 49—53 об.

⁷ Журнал МГИ. 1863, март. Прил., с. 12.

⁸ ПСЗ, II, т. XXXVIII, отд. II, № 40073.

саялся на то, что в день его баллотировки было отвергнуто четыре кандидатуры, в том числе и флигель-адъютант кн. Львов.⁹

Уставом предусматривался статус действительных членов, членов-корреспондентов (иногородних, не имевших возможности принимать в работе личное участие), гостей и почетных членов. Последних было немного. В 60-е гг. их вовсе не было, а в 70—80-е гг. звания почетного члена удостаивались главным образом председатели Собрания и руководители Министерства государственных имуществ. Почетными членами Собрания были избраны: в 1871 г. — Г. А. Щербатов, в 1872 г. — А. А. Зеленой, в 1873 г. — Ф. П. Литке, в 1877 г. — П. А. Валуев и Н. М. Гедеонов, в 1880 г. — Н. П. Опочинин и Д. И. Менделеев, в 1888 г. — М. Н. Островский, В. И. Вешняков и Э. Е. Люде.¹⁰

Портреты почетных членов вывешивались в помещении Собрания.

Доходы клуба складывались из членских взносов, процентов с занасного капитала, поступлений от клуба (карты, бильярд, бужет, штрафы и т. п.).

Деятельность клуба направлялась избираемым его членами Распорядительным комитетом, куда входили председатель Собрания (в 1864—1870 гг. им был Г. А. Щербатов, в 1871 г. — Н. С. Лутковский, а с 1872 г. на долгое время — сенатор, генерал-лейтенант И. М. Гедеонов, непременный член Главного военно-учебного комитета Военного министерства), секретарь (в 1864—1871 гг. — Н. М. Сольский, а с 1872 г. более чем четверть века — А. В. Советов, известный агроном, автор многих трудов, профессор Петербургского университета, председатель 1-го отделения Вольного экономического общества и многолетний редактор «Трудов ВЭО»), шесть старшин и три члена. Обязанности этих лиц излагались в § 46—61. Дела решались большинством голосов. Собрание состояло «под покровительством», т. е. контролем, Министерства государственных имуществ, через которое оно могло ходатайствовать перед правительством о своих «нуждах» и которому обязано было ежегодно представлять отчет.

В числе учредителей Собрания не значился кн. Г. А. Щербатов, ко времени учреждения устава оказавшийся петербургским предводителем дворянства, но он сразу же вступил в клуб, был избран председателем, что немедленно решило проблему аренды подходящего помещения: клуб разместился в доме петербургского дворянства (нынешнее здание Филармонии). Позже он находился в доме Юсупова на Невском пр. (ныне Дом работников искусств).

3 ноября 1863 г. состоялось заседание, на котором были избраны должностные лица, причем кандидатом в председатели оказался кн. А. С. Меньшиков, а в числе старшин — царскосельский предводитель дворянства А. П. Платов, известный своим пред-

⁹ Дельвиц А. П. Мои воспоминания. М., 1913, т. III, с. 226.

¹⁰ Советов А. 1864—1889. Двадцатипятилетие Петербургского собрания сельских хозяев. СПб., 1889, с. 233.

ложениями о создании общероссийского представительства. В члены Распорядительного комитета вошел вице-председатель Географического общества Ф. П. Литке. 21 декабря была создана комиссия для выработки повестки дня научных заседаний. В нее вошли А. П. Платонов, гр. В. П. Орлов-Давыдов, гр. А. П. Шувалов — известные деятели аристократической оппозиции, — кн. А. И. Васильчиков, В. И. Вешняков, Н. М. Сольский и др. Они-то и представили план, включающий 14 тем.¹¹ Такая программа составлялась в дальнейшем ежегодно (за редким исключением), но выполнялась не всегда: одни темы действительно выносились на обсуждение, другие выпадали, и их место занимали вопросы, предложенные членами Собрания или гостями.

Как показывает перечень учредителей и должностных лиц Собрания, эта организация была в значительной степени созданием рук петербургской англоманствующей аристократии, но там встречались люди самых разных направлений. В Собрании бывал и в 60-е гг. выступал, в том числе и с докладом, А. Н. Энгельгардт,¹² пародник, агрохимик, известный своими связями с революционным движением, сотрудничавший в 70-х гг., после высылки, в «Отечественных записках», где он опубликовал замечательный образец публицистики — «Письма из деревни». Членами Собрания были либералы А. В. Никитенко (его посещения клуба отражены в дневнике¹³), В. П. Безобразов, в 1866 г. неоднократно развивавший там свои взгляды на организацию сельскохозяйственного кредита, Ф. П. Литке, А. И. Левшин и др. Там же бывали, участвовали в прениях, делали доклады и представители ультрадворянских воззрений, сотрудники правой газеты «Весть» — Г. Б. Бланк, Н. Н. Юматов, В. К. Ржевский, П. Ф. Лилленфельд-Тоаль. Но эта группировка была немногочисленной. В разное время в клубе состояли А. А. Абаза, А. П. Бобринский, А. С. Ермолов, В. А. Кокорев, А. Ф. Коши, А. В. Лохвицкий, В. А. Полетика, К. А. Скалковский, Р. А. Фадеев, А. П. Шувалов. Членами клуба были поэты А. Н. Апухтин, Н. А. Некрасов, романисты И. А. Гончаров и Б. М. Марквич.

В первые годы своего существования Собрание насчитывало свыше 600 членов, в 1867 г. это число упало до 400,¹⁴ но как бы то ни было оно всегда оказывалось достаточным для того, чтобы клуб выжил и просуществовал более полувека.

Не следует думать, что Собрание являлось всего лишь клубом местных, петербургских помещиков. Это была столичная, всероссийская организация, объединявшая помещиков самых разных губерний, но проживавших (обычно по причинам служебным или предпринимательским) в Петербурге. Поэтому при обсуждении

¹¹ Первое десятилетие Петербургского собрания... с. 18.

¹² 12 января 1865 г. он делал доклад о применении костных удобрений (Заседания ПССХ, 1865, № 1).

¹³ Никитенко А. В. Дневник. Л., 1955, т. II, с. 423—427.

¹⁴ Первое десятилетие Петербургского собрания... с. 33.

любого из вопросов участники дискуссии ссылались на условия и практику ведения хозяйства фактически во всех районах страны, и стало быть, и проблемы могли ставиться широко и рекомендации имели широкое (географически) значение.

По уставу Собранию было разрешено печатать свои материалы в специальных изданиях, а впоследствии в случае необходимости основать и собственное издание. Но клуб сразу же решил этот вопрос несколько иначе. Собственного издания он никогда не учреждал, материалы печатал в периодике, но зато немедленно стал издавать под стабильным названием «Заседания Петербургского собрания сельских хозяев» протоколы научных дискуссий, представлявшие собой стенограмму. Они имели дату и порядковый (по годам) номер.¹⁵ Эти протоколы продавались, распространялись, рассылались по министерствам, ученым обществам, земским учреждениям и т. д.

Научная деятельность Собрания имела несколько форм: наиболее распространенными были индивидуальные доклады с последующим их обсуждением, но неоднократно заслушивались и доклады комиссий, специально избранных для представления общих предложений по кардинальным темам (о защите помещичьих лесов от порубок, о нуждах землевладения, о создании кредита). Делались (обычно секретарем) сообщения о новинках в области сельского хозяйства, выставках и т. п. Наконец, существовала и форма «бесед» — обсуждений в узком кругу, без стенограммы и других формальностей. Когда такие беседы заглохли, секретарь, сообщив, что они не привились, тут же доложил, что «потребность простого беседования, без всякой официальной обстановки» тем не менее существует и что членами высказывается предложение попробовать ввести — по примеру парижских «сельскохозяйственных» и петербургских «экономических» — «сельскохозяйственные обеды», где за накрытым столом велись бы разговоры по специальным вопросам.¹⁶

В течение 1864—1867 гг. научная деятельность Собрания, имевшая сезонный характер (заседания происходили только в зимний период), была регулярной: созывалось от 10 до 15 заседаний. Ежегодно составлявшаяся программа по ходу дела изменялась. В 1868—1871 гг. число заседаний падает и держится на уровне 4—7 собраний в сезон, причем прекращается и составление программ. Заседания проводятся по случаю подвернувшимся темам. То же самое происходит и с числом присутствовавших. Первое время на них собиралось до 200 человек, но, когда их число стало сокращаться, сведения о количестве присутствовавших перестали публиковаться в протоколах. Перелом наступает в начале 70-х гг., когда председателем избирается И. М. Гедесов, а секретарем —

¹⁵ Их коллекция за 1864—1905 гг. помещена в журнальном фонде Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

¹⁶ Заседания ИССХ. 1867, № 3.

А. В. Советов. Тогда возобновляются более или менее регулярные заседания с предварительным составлением программ в виде развернутых тезисов-вопросов, которые публикуются в печати (в частности, в «Земледельческой газете») вместе с призывом к читателю присылать отклики на вопросы. Начинают появляться и читательские ответы. Оживление работы Собрания в начале 70-х гг. отчасти было связано с деятельностью в 1872—1873 гг. Комиссии по изучению сельского хозяйства, созданной при Министерстве государственных имуществ под председательством министра П. А. Валуева. С этой комиссией русские помещики связывали надежды на изменение аграрной политики и расширение их политических прав. И это не случайно, ибо подавляющее большинство опрошенных в комиссии лиц составляли помещики. В комиссию вошли (в качестве представителей от министерств) и члены Петербургского собрания — Н. Ф. Фаи дер Флит и В. И. Вешняков. 6 декабря 1872 г. на заседание комиссии был вызван И. М. Геденов, и на поставленные перед ним как помещиком вопросы о положении сельского хозяйства он ответил предложением расширить подход к проблеме, передав вопросник комиссии на обсуждение Собрания с тем, чтобы оно представило доклад о своих соображениях и чтобы его члены были вызваны в комиссию.¹⁷ Предложение было принято, Собрание получило анкету, состоящую из 269 пунктов-вопросов, и занялось ее рассмотрением на заседаниях 15 января, 20 и 27 февраля 1873 г.¹⁸ Выступавшие отвечали на те вопросы, по которым располагали сведениями, останавливаясь и на общих, и на частных проблемах. Речь шла об отсутствии (и «весьма чувствительном») оборотного капитала, потребности «установления правильных, безобидных отношений нанIMATEЛЕЙ к нанимаемым» (и в этой связи говорилось о реформе паспортной системы), вредном влиянии общинного землевладения на состояние сельского хозяйства, необходимости наладить в России производство сельскохозяйственных орудий и машин, о специальном образовании, распространении агрономических знаний и т. д. Поднятые комиссией вопросы сильно волновали помещиков, ждавших от правительства помощи, и они приветствовали создание комиссии и ее деятельность. А. В. Советов заявил: «Мы благодарны (уже. — В. Ч.) и за то, что она русское сельское хозяйство, до сих пор бывшее в забвении, успела сделать предметом забот правительства».¹⁹

Проблематику заседаний Собрания условно можно разделить на две части: темы общего характера и узкоспециальные. (Повестка для заседаний за 1864—1873 гг. приведена А. В. Советовым в его книге о первом десятилетии существования Собрания,

¹⁷ Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873, т. 1. Журналы, с. 7.

¹⁸ Заседания ПССХ, 1873, № 1, 4 и 5.

¹⁹ Там же, № 4.

л в следующей своей книге он охарактеризовал ее в целом за 1864—1889 гг.). К общим темам можно отнести следующие: организация сельскохозяйственного кредита, способы ведения хозяйства землевладельцами, роль общины, влияние железнодорожного строительства, законодательство об охране помещичьих земель и лесов и о сельскохозяйственных рабочих, развитие специального образования. К специальным можно отнести темы чисто агрономические: о применении удобрений, разного рода орудий, борьбе с сорняками, способах хранения хлеба и т. п.

Наиболее интересным было, конечно, обсуждение широких проблем. Одним из первых стоял вопрос о возможности применения в хозяйствах русских помещиков иностранных рабочих. Доклад делал А. И. Васильчиков, имевший опыт такого приглашения. Это был тот случай, когда выступавшие оказались довольно единодушны: использовать иностранных рабочих невыгодно, проблему нужно решать за счет русского рынка рабочей силы.²⁰ В трех заседаниях 1864 г. обсуждался доклад Г. А. Щербатова «О разных способах пользования землею».²¹ В нем, учитывая сложности с наймом работников, докладчик рассматривал разные способы эксплуатации поместий: личное ведение хозяйства, приглашение управляющих, сдача земель в аренду, использование системы половничества. Здесь мнения разделились. Щербатов, как толстовский Левин, считал главным присутствие землевладельца в собственном имении и собственноручное ведение своего хозяйства, другие видели в этом не единственный выход улучшения положения своих владений и подчеркивали обусловленность решения конкретными обстоятельствами.

В 1864 г. наибольшее число присутствовавших собрал доклад заводчика В. А. Полетики (сейчас он больше известен как издатель «Биржевых ведомостей»), поставившего вопрос, «есть ли Россия земледельческое государство», и отстаивавшего аграрно-промышленный путь развития страны.²² В следующем году он же делал доклад о значении железных дорог в развитии русского сельского хозяйства.²³

В целом можно сказать, что проблематика заседаний имела тенденцию к постепенному переходу от широких тем к узким, и заседания 1902—1905 гг. в повестке дня имели уже исключительно специальные, агротехнические темы.

Практическая деятельность Петербургского собрания по улучшению помещичьего хозяйства была довольно скромной. Оно располагало лишь небольшими средствами, а потому вынуждено было ограничиваться скромными масштабами. В 1865 г. Собрание по инициативе Н. В. Черняева учредило комиссию «Работник», связанное с заграничными конторами, и по заявкам поме-

²⁰ Там же, 1864, № 1.

²¹ Там же, № 4—6.

²² Там же, № 9.

²³ Там же, 1865, № 3.

щиков посредничало в покупке и доставке преимущественно русского, но также и заграничного инвентаря и сельскохозяйственных машин. Оно учредило стипендии для обучения агрономов, а в ноябре 1867 г. по его инициативе был проведен съезд, где обсуждался вопрос об организации сельскохозяйственного образования. На съезде рассматривался довольно обширный спектр проблем (узкое или широкое образование, первичное или высшее и т. д.). В нем приняли участие представители ученых и сельскохозяйственных обществ. Собрание выделяло средства на проведение конкурсных работ и премии для выставок, устраивавшихся, правда, другими организациями.

Когда столичное дворянство учреждало Собрание, оно преследовало не только ученую, но и политическую цель — создание политического клуба. Это можно с полным основанием утверждать, зная обстановку того времени, оппозиционные настроения дворянства и ожидание им неизбежно скорого преобразования государственного строя на началах представительства. Однако в данном случае логика получает фактическое подкрепление. К. А. Скальковский, директор Горного департамента Министерства финансов, известный публицист, почти полвека состоявший членом клуба, оставил воспоминания, содержащие прямое тому свидетельство. «Собрание, — пишет он, — должно было, по мысли В. И. Вешнякова (одного из учредителей, в то время вице-директора Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. — В. Ч.), сделаться не только местом для битвы на зеленом поле, но и политическим клубом, где обсуждались бы под флагом поощрения сельского хозяйства государственные вопросы».²⁴ И такие стремления помещиков Собрание — во всяком случае в первое время своего существования — удовлетворяло. Заседания в 60-е гг. обычно вел кн. Г. А. Щербатов, считавшийся в то время в Петербурге, по словам К. А. Скальковского, «главою партии реформ», т. е. лидером той группировки дворянства, которая настаивала на создании всероссийской представительной организации, основывающейся на местном, земском представительстве. В случае его отсутствия председательствовали Ф. П. Литке или гр. А. П. Бобринский, сторонник конституционных преобразований. Стремления дворянства получить прямое влияние на правительственную политику выражались уже в проблематике докладов и характере их обсуждения. «Доклады, — продолжает Скальковский, — читались по вопросам общим экономическим, для приличия, или, вернее, законности, требовалась хотя бы легкая связь с положением в России сельского хозяйства».²⁵

В докладах и дискуссиях звучали упреки в недопущении дворянства к кормилу государственного управления, в пренебрежении его интересами, требования о расширении политических прав

²⁴ Скальковский К. А. Воспоминания молодости: (По морю житейскому). 1843—1869. СПб., 1906, с. 260.

²⁵ Там же.

дворянства и земства. То, что созданием клуба столичное дворянство преследовало цели политические, хорошо понимал тогдашний министр внутренних дел П. А. Валуев, которому постоянно приходилось иметь дело с политическими притязаниями дворянства и который считал их неизбежным порождением времени. «Волна поднялась среди моря и идет к берегу, — говорил он. — Ее остановить нельзя, а можно только приготовить ей ложе». ²⁶ Таким подготовленным ложем для дворянского оппозиционного движения он считал своевременное учреждение при Государственном совете нижней палаты с ограниченными правами, куда войдут представители дворянства, земства и городов. С таким проектом он и выступал неоднократно на протяжении 1863—1881 гг. Вызвн его в Петербургское собрание 9 февраля 1864 г., куда он был приглашен В. П. Орловым-Давыдовым на его доклад, лишь подтвердило его впечатления. Похоже на собрание «гимназистов, участвующих в парламентаризме», — подвел он итог. ²⁷ (Кстати, Орлов-Давыдов был впечатляющим образцом представителя русской аристократии, мечтающего о насаждении английских обычаев, которым он старался скрупулезно следовать. Окончив Эдинбургский университет со степенью доктора прав, он имел право выбирать в английский парламент и осуществлял его через английского посла в России, передавая ему свой избирательный бюллетень ²⁸).

Деятельность Петербургского собрания как политического клуба требует внимательного исследования. На поверхности отношений самодержавия с этой помещичьей организацией не видно следов каких-либо конфликтов, хотя в протоколах заседаний встречаются заявления его членов о необходимости для правительства прислушиваться к общественному мнению, расширять права дворянства и земства. Делая в декабре 1864 г. в Собрании доклад о влиянии общинного землевладения на положение сельского хозяйства, Н. Н. Юматов объяснял сохранение общины в 1861 г. отстранением помещиков от решения этого вопроса и призывал дворянство добиваться усиления своего влияния на политику хотя бы в целях исправления ошибок, допущенных в аграрной сфере. ²⁹

Г. А. Щербатов, участвуя в обсуждении доклада П. Л. Корфа о земских повинностях, падающих на земли помещиков, говорил о том, что принципы обложения непременно должны быть санкционированы платящими налогами землевладельцами, только тогда они могут считаться справедливыми. «Я понимаю законодательство, — заявил он, — как выражение общественного мнения в известный период убеждений. Я понимаю, что 200 лет тому назад убеждения и взгляды на вещи были иные... через 200 лет они

²⁶ Валуев П. А. Дневник. М., 1961, т. II, с. 15.

²⁷ Там же, т. I, с. 270.

²⁸ Головин К. Мои воспоминания. СПб.; М., б. г., с. 136.

²⁹ Заседания ПССХ. 1864. № 15.

тоже будут иные... Для общественного строя, поставленного на крепких, твердых основаниях, нужны основания, выработанные общественным мнением».³⁰ Далее он развил идею общероссийских съездов земцев, где и будет выработана общая точка зрения, в частности, по вопросам земского обложения.

Правительство более или менее снисходительно смотрело на политические заявления, делаемые в ходе научных дискуссий, но всячески препятствовало призывам и декларациям, высказываемым в широком кругу. Должно быть, поэтому в Собрании было запрещено произносить на торжественных обедах застольные тосты, за исключением здравиц в честь царствующей семьи, и тот же Щербатов, который в обычных заседаниях позволял себе говорить о всероссийском съезде земцев, прерывал ораторов, пытающихся сказать застольный политический стиш. Между ним и генералом А. И. Иваницким, мастером таких речей, как-то по этому поводу произошла перепалка, и генерал ворчливо сказал, что князь превращает клуб в «живорыбный садок».³¹

Таким образом, предварительно можно сказать, что поместное дворянство пыталось использовать и использовало трибуну Собрания в качестве общественной кафедры и что в клубе оно получило небольшую аудиторию. С точки зрения Скальковского, надежды членов клуба на упрочение своего политического влияния и усиление воздействия на правительство в смысле проведения реформы государственного управления вскоре рухнули, когда обнаружилось, что намерения самодержавия ограничены рамками введения лишь местного самоуправления, да и то находящегося под жестким контролем. Особенным ударом по парламентским мечтаниям помещиков явился разгон в 1867 г. земских учреждений Петербургской губернии, выступивших с требованием созыва общеземского собрания для обсуждения закона о предельности земского обложения.

Восстановить внешнюю, формальную историю Собрания довольно несложно. Правда, архив Собрания не сохранился, однако его руководители аккуратно выпускали к юбилеям основательные отчеты, из которых последний, к 50-летию, наиболее полный, выбрал и материалы предшествующих.³² Используя эти отчеты да еще привлекая изданные протоколы заседаний, можно говорить о количественном и персональном составе Собрания, ежегодном числе и проблематике его заседаний, средствах и их расходовании, участии в выставках и т. п. Но этого мало для суждения о внутренней жизни своеобразного клуба. Можно констатировать, что в конце XIX—начале XX в. его членами были издатели и журналисты А. А. Столыпин, А. С. Суворин, А. Ф. Маркс, государственные деятели А. В. Кривошеин, Э. Ф. Нольде, Д. М. Соль-

³⁰ Там же, 1867. № 7.

³¹ Скальковский К. А. Указ. соч., с. 266.

³² 1864—1913. Пятидесятилетие Петербургского собрания сельских хозяев. СПб., 1913. 323 с.

ский, но нельзя узнать, что приводило этих людей в Собрание, номинальным или реальным было их членство, насколько удовлетворяла их интересы его деятельность, каково было влияние клуба и его место в общественной жизни. Ответ на такие вопросы может отыскаться в мемуарных и эпистолярных источниках, но лишь при тщательном их изучении. Свидетельства о Собрании широко известных мемуаристов немногочисленны. Одно из них принадлежит известному петербургскому врачу В. Б. Бертенсону, в воспоминаниях которого содержится целая новелла о Собрании 1887—1912 гг.³³ Более всего ему запомнились самые экзотические, чудачковатые характеры, и он живописал именно их. Замечаний же о внутренней жизни клуба за это время весьма мало. По его утверждению, Петербургское собрание пережило свой расцвет в первое 25-летие, а во вторую четверть века выродилось в заурядный клуб, где вкусно ели, сладко пили и азартно играли в карты, научная же деятельность совершенно замерла. Заявление о прекращении научной деятельности Собрания нельзя понимать буквально, его заседания продолжались, хотя после 1905 г. их число постоянно падало и в 1911—1913 гг. свелось к одному заседанию в год. Явное затухание деятельности Собрания в это время было связано, видимо, с тем, что революция 1905 г. резко расширила рамки возможностей общественной и политической деятельности и она переместилась в политические партии, Думу и обрела новые организационные формы. Однако состав Собрания продолжал быть интересным. «Кто только из более или менее лиц известных не числился там членом? — пишет мемуарист. — Как в калейдоскопе, вижу я настоящих и бывших министров, членов старого и нового Государственного совета, членов Государственной думы, сенаторов, военных всех званий, губернаторов, больших и малых чиновников, адвокатов, врачей и т. д. и т. д.»³⁴

И уже это одно обстоятельство, не говоря о других, обуславливает необходимость внимательно подойти к истории Петербургского собрания сельских хозяев, как, впрочем, и других столичных клубов (Английского, Яхт-клуба, Нового, Общественных деятелей).

³³ Бертенсон В. Б. За 30 лет: (Листки из воспоминаний). СПб., 1914, с. 191—219.

³⁴ Там же, с. 195.